

Моему дорогому сыну Мидасу

1

Я думал, что мы просто едем покататься. Ветер дует навстречу, поднимая с земли сено, сухие травинки, которые через открытые окна залетают к нам в пикап. Сейчас сезон сбора урожая, но мы в этом не участвуем. В багажнике гремят ржавые трубы и остов стиральной машины, которую мы вчера подобрали в какой-то канаве на обочине. Па поворачивает и останавливается у заправки.

— Хочешь чего-нибудь? — спрашивает он, заливая в бак бензин. Заправиться нам удастся только по понедельникам, потому что в этот день работает Бенуа. Его начальник больше не продает нам ничего. Он говорит, что такие клиенты, как мы, слишком дорого ему выходят.

Мимо проезжает грохочущий грузовик, заваленный охапками сена, всколыхнув выцветшую растяжку с рекламой кофе, который тут всегда по акции. Пахнет он так, будто там вместо кофе перемолотый рубероид.

— Привет, — обращаюсь я к Бенуа. Пронзительно звенит дверной колокольчик.

— Я больше не должен вас впускать, — отвечает он из своей стеклянной будки, наклонившись к микрофону слишком близко. — Я же в прошлый раз вам уже говорил.

Я показываю в сторону кассы и жестом даю понять, что не расслышал.

— Я говорю, я вас...

Я качаю головой и снова показываю на уши.

Вокруг его кассы стеной выстроились мешки с углем, и поэтому кажется, что он окопался и занял оборонительную позицию, защищаясь от нас. Рядом с углем погибают в ведрах букеты цветов. Я задерживаюсь у холодильника с энергетиками. Бенуа пытается не спускать с меня глаз, смотря в выпуклое зеркальце под потолком. Дверной звончок снова тренькает.

— Бенуа! — радушно приветствует его отец.

— Я только что сказал Брайану, что мне нельзя вам...

— И это тоже посчитай. — Отец берет с полки с товарами по акции громадное шоколадное яйцо. — Подарок для его брата.

— Мы едем к Люсьену?

Отец прижимает ценник к защитному стеклу.

— За полцены, — сообщает он, пытаясь отодрать большую красную наклейку. — Вообще, можно и так оставить. Его брат все равно не разглядит.

— Да-да, — как-то невнятно мямлит Бенуа, вбивая цену со скидкой.

— И перевяжи его вон той большой голубой лентой, его брату понравится.

— К сожалению, продукты по акции мы не упаковываем.

— Красная тоже пойдет.

— Так что не получится.

— Ты еще что-то хочешь? — кричит па мне. Я отрицательно качаю головой. — Сколько с нас?

Бенуа сглотнул, посмотрел на кассовый аппарат и ответил:

— Всего тридцать восемь двадцать пя...

— Вот, возьми, — отец вытаскивает из внутреннего кармана своей кожаной куртки горсть монет и сваливает их все в монетницу. — И вот это тоже. — Из кармана

брюк он выуживает банкноту в десять евро, аккуратно разворачивает ее и разглаживает. — Может, все-таки украсишь эту штуку, чтоб было красиво?

— Сначала посчитаю, все ли верно.

— Мы, вообще-то, торопимся.

Бенуа начинает нервно раскладывать монетки.

Еще до того, как мы сели в машину, шоколад уже потек по пластиковым стенкам обертки. Отец шагает впереди меня. За ним развеивается голубая лента.

— Давай, шевели ногами, Брай.

— Мы правда едем к Люсьену?

Бенуа вышел из магазина.

— Тут не хватает семь евро двадцать пять центов.

Отец разворачивается лицом к нему, но продолжает двигаться к машине спиной вперед.

— А ты хорошо посчитал?

— Здесь слишком мало.

— Не преувеличивай, — па строит удивленную рожу. — И мы немного торопимся. Его брат ждет нас.

— Я должен доложить о случившемся.

— Ну-ну, какие слова! Вот так вы обращаетесь с постоянными покупателями? — Отец замедляет шаг. — Завтра донесу остальное.

— Завтра я не работаю.

— Ага, — ухмыляется па, — тогда придется записать это на наш счет.

Мы выезжаем обратно на дорогу. Бенуа стоит у дверей. Отец по-приятельски машет ему рукой и поднимает вверх большой палец. Бенуа отвечает слабым движением руки.

— Почему мы едем к Люсьену?

— Я подумал, что можно и съездить разок.

Мой брат живет в кровати в получасе езды от нашего фургона. В последний раз мы его навещали перед его шестнадцатилетием, а до того, наверное, на рождественских праздниках. Все, что я помню, — он спал. А когда наконец проснулся, то смотрел только на рождественскую гирлянду на окне, танцующую огоньками по батарее. Мы никогда не ездим к нему в само Рождество или день рождения, чтобы не столкнуться с ма. Я надеюсь, что и сейчас мы ее машину там на стоянке не увидим.

Рядом с главным входом нас встречает мальчик с выпученными глазами. Большая часть его лица — это лоб. Темные волосы прядями вылезают через проемы в кожаном шлеме. Он смотрит на нас строго, будто знает, что мы уже давно тут не появлялись. Я каждый раз нервничаю, когда нам нужно заходить сюда. Боюсь, вдруг Люсьен разозлится, что мы долго не приезжали, или с ним что-то случилось, пока нас не было, а мы об этом не знаем. Но в основном потому, что это территория мамы, а не наша.

Здесь все стены на высоту примерно до пояса в царапинах, полосах и вмятинах от инвалидных кресел, колясок и больничных кроватей на колесиках. Вдоль всего коридора припаркованы кресла-каталки, которые снабжены всевозможными приспособлениями. Чуть подалее стоит тележка с прикрепленным к ней мусорным пакетом, подносами с едой и грязными тарелками. На голубом коврикe в зале лежит мальчик и стонет в потолок. Его ноги вывернуты под невообразимым углом, как будто они от другого тела и их пришили к его туловищу по ошибке. С раскинутыми в стороны руками он ждет кого-то, кто упадет на него

с потолка, чтобы встретить его с распростертыми объятиями.

— Брай! — Па стоит в конце коридора. — Иди, посмотри сюда.

Автоматические двери начинают закрываться, но каждый раз снова открываются, потому что он стоит между створками. За ним статуя Девы Марии жестом призывает замедлиться, хотя здесь все и так очень медлительны.

— Палата Люсьена ведь была здесь?

Весь дверной проем сбоку обтянут матовой пленкой. Когда где-нибудь в здании открывается дверь или окно, пленка с хлопком выгибается внутрь комнаты, а затем, шурша, снова заполняет проем. За ней сверлят. Силуэт человека толкает впереди себя тачку.

— Он, наверное, переехал? Так же нельзя, твоя ма должна была нам сказать.

Целлофан вокруг шоколадного яйца хрустит под его пальцами, которые еще крепче впиваются в него.

— Может, он где-то здесь?

Мы читаем таблички с именами, которые висят рядом с каждой дверью, за одной из них кто-то начинает выть.

— Спросим на стойке регистрации?

— Где же наш Люсьен? — Па водружает шоколадное яйцо на стойку. — Его комнаты больше нет, а нам ничего не сказали.

— Секундочку, — отвечает женщина из-за стойки. — Я сейчас освобожусь.

На бейдже написано, что ее зовут Эсме. Под ее блузкой скрывается такая грудь, что отец не сможет удержаться от сальных шуточек на ее счет. Глаза у него уже заблестели. Эсме ударяет указательным пальцем по кнопке «Ввод», отъезжает на своем кресле назад и поднимает на нас приветливый взгляд.

— С этим советом вы уже опоздали...

Проходит пара секунд, прежде чем до па доходит, что Зубида тоже пошутила. Но когда он понял, его смех прокатился по коридору так громко, что все на нас обернулись. Зубида мне подмигнула.

— Мне надо идти, — сказала она. И, как всегда, когда мы видимся, она на секунду дотрагивается до мочки моего уха, как будто это еще можно как-то поправить.

— Выглядит круто, — говорит она. — Пока.

Кажется, я покраснел. Вместе с па я пошел к выходу.

— Ну что, вот и навестили.

Па вскидывает руку в знак прощания, проходя мимо женщины за стойкой регистрации, но она смотрит в монитор.

2

Солнце стоит высоко. Нашим коротконогим теням приходится поторапливаться, чтобы поспеть за нами. В углу парковки вокруг своих автобусов сидят на корточках рабочие. Один из них с kloчочущим звуком вливает в себя бутылку воды практически целиком, а остатки со дна выливает соседу за шиворот. Рядом присел на корточки другой парень. Похлопав руками и подняв целое облако белой пыли, он отломил кусок хлеба от ломтя, лежавшего между ними на полиэтиленовом пакете.

— У вас есть минутка? — Я сначала даже не осознал, что голос обращается к нам. — Господин Шевалье?

За нами идет мужчина, держа в левой руке папку.

— Кто спрашивает?

— В каком смысле?

— Кто вы такой?

Под подбородком у этого мужчины выпирает второй подбородок. А под тем еще один.

— Сантос, — тяжело выдыхает он. И поднимает руку в знак приветствия. — Я новый заведующий.

— Ах вот как, заведующий, значит...

— В регистратуре мне сообщили, что к Люсьену приходил отец, — он говорит это таким тоном, будто речь идет о ком-то третьем.

— Ну, мы вообще приходили, э-э-э...

Па жмет на кнопку на ключах от машины, чтобы разблокировать двери, но она стоит слишком далеко, так что не начинает нетерпеливо мигать фарами, как обычно.

— Я не займу много времени. Речь идет о Люсьене.

— Тогда вам лучше поговорить с его матерью.

— Да-да, мы с вашей женой уже по...

— Бывшей женой.

Па скрещивает руки, так что кожаные рукава скрипят в месте сгиба.

— Извините, конечно, безусловно, с вашей бывшей женой.

— Если вы насчет денег, то вам к ней.

— Нет, я хотел поговорить о другом.

— На этот счет тоже к ней.

Неподалеку стоит контейнер, по которому с треском и грохотом с самого верхнего этажа спускают строительный мусор.

— Из личного дела Люсьена я понял, что вас не лишили родительских прав.

— Послушайте, — начал па, — мы наших мальчиков поделили полюбовно и без скандала.

Он наклонился к Сантосу.

— И это был ее выбор. Ей Люсьен, мне Брайан.

— Речь идет о паре недель летом, — неуверенно произнес Сантос. — Так как ваша бывшая жена на данный момент не располагает возможностью, ввиду ее свадебного путешествия, она сказала нам...

— Свадебного путешествия?

— Моя мама выходит замуж?

— Ну... Да ведь? — Он раскрывает и тут же захлопывает свою папку. — Такую информацию я получил от нее.

— За Дидье? — спрашиваю я. — Они уже поженились?

— Полагаю, что так. — Папку он держит перед собой, словно щит. — Как я понял, они едут на месяц в свадебное путешествие.

— Месяц? — па рассмеялся, часто вздыхая *ох-ох-оо-оох*, так же, как когда он смотрит смешные любительские видео, где кто-то получает по морде.

— Прошу прощения, я был уверен, что вы оба в курсе.

— То есть пока она прохлаждается где-то на пляже, Люсьен тут должен сам как-нибудь? Вариться в собственном соку?

— Я бы не называл это так, — сказал Сантос.

— Это его мать вас попросила нам об этом сказать?

— Нет-нет, конечно, нет. Мой вопрос связан с ремонтом. Вы, наверное, тоже заметили, что нам необходимо модернизировать помещение. — Сантос рад, что может сесть на своего конька. — Пространство комплекса сформировано еще во времена, когда на этом месте был монастырь. Сейчас оно больше напоминает больницу, чем пансион. Мы хотели закончить еще в мае, но в таком деле без сюрпризов не обойтись. Это притом, что мы постарались учесть все подводные камни, когда планировали ремонт. Мобильных обитателей нашего комплекса мы смогли пристроить в организации, с которыми сотрудничаем в нашем регионе. Но места там

предоставили только на ограниченное время. А у нас все еще не хватает кроватей. Поэтому я хотел спросить, не могли бы вы забрать Люсьена домой на лето?

— Ух ты! — Па поднимает руки. — Мы тут появляемся не часто, и мальчик едва ли знает, кто мы такие. А теперь вот так пролежать у нас целое лето? Мы скромно живем. Две собаки. Брай. Я. И кстати... — Он до конца застегивает молнию на куртке, потом снова опускает бегунок до середины. — Мне надо работать.

— Хорошо, — заведующий улыбается бессмысленной улыбкой. — Мне все ясно.

— И снова за ваши ошибки приходится расплачиваться родителям. — Па крутит на пальце брелок с ключами от машины. — Вот что бывает, когда нанимаешь самого дешевого подрядчика.

— Ну, тут вы не правы, — отражает удар Сантос, — эти люди отлично делают свое дело. И наш подрядчик понимает всю срочность ситуации. Кроме того, тем родителям, кто согласится помочь, мы готовы оказать финансовую поддержку.

Сантос посмотрел на часы.

— Спасибо, что уделили мне минуту. Я попробую найти другое решение, — он протер глаза едва заметным кивком. — Ах да, мама Люсьена пока недоступна, так что мы не сможем сообщить ей, куда мы переведем его. Могу я сообщать о решениях касательно вашего сына вам?

— Что?

— Могу ли я сообщить вам, куда мы переведем Люсьена?

— Да-да-да, — говорит па, — конечно, конечно. Пожалуйста.

Сантос вынимает из нагрудного кармана рубашки ручку и что-то быстро пишет на желтом стикере.

— А в чем она выражается?

— Что?

— В чем выражается эта финансовая поддержка? Ваших подрядчиков?

Сантос открывает ежедневник и клеит стикер на форзац.

— Дело в том, что многие родители вынуждены взять отпуск или отгул на работе, чтобы ухаживать за ребенком дома. Часто это связано с непредусмотренными дополнительными расходами. Поэтому подрядчик предлагает покрыть эти непредвиденные траты.

Когда Сантос уже почти развернулся, чтобы пойти обратно ко входу в здание, па вдруг спрашивает:

— И какую выплату они предлагают?

— Мы называем это именно возмещением расходов, компенсацией.

— Так сколько?

— На этот вопрос я вам прямо сейчас не отвечу. Зависит от сроков.

— Ну хоть примерно.

— Чуть больше двухсот тридцати восьми евро.

— За?..

— Что?

— За месяц?

— Нет, в неделю. — Сантос указывает на вход. — К сожалению, мне действительно пора идти.

— Но ведь самое важное, чтобы моего мальчика перевели в хорошее место, ведь так?

— Это всегда самое главное, — сказал Сантос, — и мы над этим работаем.

Па уперся кулаками в бока, затем снова скрестил руки на груди.

— Ну а если бы мы все-таки смогли забрать его на время?

— Это очень мило с вашей стороны. Но в случае с Люсьеном есть несколько запасных вариантов, куда я могу обратиться.

— Месяц, думаю, мы сможем осилить.

Кажется, что от этого разговора у Сантоса немного закружилась голова.

— Вы же только что сказали, что у вас мало места? И что вы должны работать. И что Люсьен больше общается с матерью.

— Это из-за нее я так редко приезжал. Люсьен же не должен теперь за это расплачиваться?

— Это верно, ребенок не должен страдать из-за конфликта родителей.

— Я же его папа, разве нет? И мальчикам вместе будет хорошо. — Па вдруг притянул меня за шею к себе и потрепал костяшками пальцев по макушке. — Этот парень свободен все лето. Чего уж лучше для Люсьена? — Я вырвался из его цепкой хватки.

— Послушайте, давайте я буду с вами откровенен, — уверенно начинает Сантос, но затем колеблется, — эта финансовая поддержка... она ни в коем случае не должна быть мотивацией забрать Люсьена домой. И э-э-э... — Но тут он замолчал и не сказал больше ничего.

— Люсьен — мой сын! И Брай сейчас на каникулах. Так что он всегда будет под присмотром.

— А ваша работа? Ваш сын нуждается в постоянном уходе. А те условия, которые вы описали?

— Вы прямо набросились на меня... Для родного сына у меня всегда найдется кровать. Иначе и самому можно на улице поспать. Ведь это так здорово, что мальчики смогут пообщаться подольше.

Казалось, что и Сантос, и па — оба ждали, что ответит другой.

— Ну что, договорились?

Сантос игнорирует протянутую ему руку, копясь в бумагах.

— Мне нужно обсудить это с коллегами. И пройти некоторые формальные процедуры.

Розовые пальцы заведующего вытащили из папки бумагу, Сантос просмотрел документ и перевернул.

— У нас в системе есть ваш актуальный номер телефона?

Па проверяет номер на бумаге, пока Сантос называет цифры.

— Последняя семерка или единица? — обращается он ко мне.

— Ты же говорил, семь?

— Тут должна быть семерка. — Па берет у Сантоса из рук ручку и рисует большую семерку сверху. — Спросить Шевалье.

— Хорошо. — Теперь Сантос коротко пожал па руку. — Будем на связи.

Владея собой, папа проезжает по территории и включает поворотник, когда мы съезжаем на главную дорогу. Чуть дальше он даже кого-то пропускает. Пока нас никто не может услышать, он тихо говорит мне:

— Всего пару недель. Вам же здорово будет? И это наверняка не так сложно. Твой брат ведь только и делает, что лежит в постели. Покормить яблочным пюре с ложечки раз в пару часов, может чаще, если он захочет. Попить из бутылочки. Все по расписанию. Помыть в душе, когда подгузник наполнится. Он наверняка какает по часам, так что мы посадим его на горшок, и останется только дожидаться, пока все выйдет. Он же никуда не торопится. Поставлю ему рядом с кроватью телевизор, пусть параллельно смотрит. И оп-ля, снова вечер. Глазки протереть, зубки почистить и на боковую. Просто же?

— Мхм-м-м-м...

На асфальте лежит блинчик из кролика. Когда мы подъезжаем, от сплющенного тельца во все стороны

разлетаются птицы. Вороны не отрываются от трапезы дольше всех и первыми возвращаются на дорогу. Обычно па останавливается, если кто-то сбил кролика, но он не сильно поврежден. Тогда я должен выйти посмотреть, не слишком ли много у него в глазах насекомых. Если нет, я беру его за уши или задние лапы и бросаю в кузов: дома мы заморозим его для наших собак.

Примерно каждые пару километров мы обгоняем какой-нибудь чадающий трактор или маленький грузовичок без номерных знаков. Они все едут в ангары Синт-Арнака. А иногда в следующую деревеньку. Башни из тюков сена на качающихся прицепах опрокидываются на поворотах. Па дважды жмет на клаксон прежде, чем мы догоняем машину. За рулем грузовика сидит парень моего возраста, боясь посмотреть в нашу сторону, пока мы проезжаем мимо.

— Покажем кое-что твоей ма.

— Что?

— Как мы отлично справляемся втроем. Что я хороший отец. — Свободной рукой он проводит по пустующему креслу трехместного переднего сиденья нашего пикапа.

— А ты знал, что ма собирается выйти за Дидье?

— Если бы знал, то и тебе уже давно рассказал бы.

Моя мать вышла замуж, а я даже ничего не знал. Может, я в тот момент сидел на какой-то заправке в машине, ждал и пытался поймать какую-нибудь волну по радио. А может, она произнесла «да», пока я ехал на велосипеде домой из школы. Или прыгал в ручей. Или читал комиксы.

Я кручу ручку с моей стороны двери, открывая окно, от чего раздается скрип резины.

— Да ведь? — спрашивает па, перекикивая врывающийся в машину ветер.

— Да! — кричу я в ответ, хоть и не услышал, о чем он спрашивал.

Костяшки его пальцев врезаются мне в левое плечо.

— Брай?

Еще удар. Он так же колошматит по автоматам с газировкой, пока оттуда не вывалится бесплатная банка, и он продолжит меня колотить, пока не выбьет ответ из меня.

— Правда же?

Еще удар.

— А то! — кричу я.

— А то, — повторяет за мной па. Он несколько раз кивнул и еще что-то сказал, но что — я уже не могу разобрать, потому что высунул голову в окно.

3

Правый ботинок у меня просит каши, оторванная подошва каждый раз зачерпывает горсть песка. Па высадил меня из машины, чтобы я пешком дошел домой и пожарил яйца. Сам он поехал купить картошки фри. В кустах я замечаю какое-то копошение и останавливаюсь. Это серый воробей пытается прорваться сквозь листву. Под кустами лежит мусор, из которого торчат осколки плитки для ванной и куча упаковок с рекламными листовками. На колючих ветках болтаются синие лоскуты мусорного мешка, содержимое которого разлетелось. Мне осталось только пересечь небольшой ручей и подняться между кустами терновника. Оттуда я уже чувствую запах бака для сбора стеклотары. Он стоит на повороте с главной дороги на грунтовку, ведущую к нам.